

9. Carocci G. La politica estera dell'Italia fascista: 1925—1928. Bari, 1969.
10. Смирнова Н. Д. Политика Италии на Балканах: Очерк дипломатической истории, 1922—1935. М., 1979.
11. De Felice R. Mussolini il duce. Torino, 1974. Vol. 1.
12. Lo Stato operaio/A cura di F. Ferri. Roma, 1964. Vol. 2.
13. Petersen J. Hitler e Mussolini: La difficile alleanza. Roma, 1975.
14. Mussolini B. Opera omnia. Firenze, 1973. Vol. XXV.
15. Giordano G. Il Patto a quattro nella politica estera di Mussolini. Bologna, 1976.
16. La politica estera italiana dal 1914 al 1943/A cura di M. Toscano. Roma, 1963.
17. Il Patto Mussolini/A cura di A. Vaccari. Roma, 1933.
18. Quartararo R. Roma tra Londra e Berlino. Roma, 1980.
19. Critica fascista.

В. А. КУЗЬМИН
Уральский университет

Переговоры о Ближневосточном пакте в первой половине 1936 г. и позиция английской дипломатии

Данная статья является продолжением предыдущих статей автора по истории образования региональной политической группировки на Ближнем и Среднем Востоке в составе Турции, Ирака, Ирана и Афганистана, получившей в июле 1937 г. название «Саадабадский пакт»*. В имеющейся научной литературе по этой теме отмечается, что в 1936 г. вопрос о Ближневосточном пакте по ряду причин «отошел на второй план» [1. С. 54]. Цель данной статьи состоит в том, чтобы, используя ранее неизвестные документы Государственного архива Великобритании и другие источники, осветить международные отношения на Ближнем Востоке и проследить ход переговоров о заключении Ближневосточного пакта в период от присоединения правительства Афганистана к парафированному тексту пакта до начала конференции в Монтре о пересмотре режима проливов, а также показать, какую позицию по вопросу о пакте занимала в этот период английская дипломатия.

6 декабря 1935 г., вскоре после завершения ирано-афганских переговоров о присоединении Афганистана к Ближневосточному пакту о ненападении, министр иностранных дел Афганистана Файз Мухаммед-хан выехал в длительную зарубежную поездку**. [2. Т. 18. С. 672]. Посетив Британскую Индию, он прибыл

---

* В настоящей статье употребляется термин «Ближневосточный пакт».

** Посетив ряд европейских и азиатских стран, в том числе СССР, Файз Мухаммед-хан только 10 апреля 1936 г. вернулся в Афганистан.

в конце декабря с официальным визитом в Ирак, который также являлся участником парафированного в октябре 1935 г. в Женеве Ближневосточного пакта. В ходе состоявшихся в Багдаде афгано-иракских переговоров была достигнута договоренность об установлении дипломатических отношений между Ираком и Афганистаном и об открытии соответствующих представительств в столицах обеих стран. 2 января 1936 г. Файз Мухаммед-хан отбыл из Багдада в Турцию [З. № 1287. Р. 74].

Почти одновременно с завершением афгано-иракских переговоров в Багдаде начались переговоры представителей Ирака с делегацией соседнего Ирана по важнейшему вопросу, разделявшему эти государства и являвшемуся одним из серьезных препятствий на пути к окончательному заключению Ближневосточного пакта,— давнему ирано-иракскому спору о линии прохождения их общей границы по р. Шатт-эль-Араб [З. № 1287. Р. 74].

Небезынтересно отметить, что иранская делегация, прибывшая в Багдад еще во второй половине декабря 1935 г., в течение двух недель фактически находилась на положении группы богатых иностранных туристов, совершая экскурсии по историческим местам и археологическим памятникам Ирака, развлекаясь на приемах в домах багдадской знати. Причиной отсрочки начала официальных ирано-иракских переговоров была поспешная поездка премьер-министра Ирака Ясина аль-Хашими на юг страны, в ходе которой он посетил главный морской порт Ирака г. Басру, а также г. Фао, где Шатт-эль-Араб впадает в Персидский залив. Как сообщал хорошо информированный английский еженедельник «Великобритания и Восток», главная цель поездки Ясина состояла в том, чтобы «изучить действительную ситуацию в отношении вопроса о границе между Ираком и Ираном накануне открытия переговоров с иранскими делегатами». Во время поездки им «было тщательно изучено стратегическое положение с целью принятия решения о том, как далеко может Ирак пойти навстречу желаниям Ирана». С учетом прошлого военного опыта генерала Ясина, отмечалось в корреспонденции из Багдада, точка зрения премьер-министра должна была, несомненно, иметь большой вес в ходе предстоящих переговоров * [З. № 1287. Р. 74]. Кроме того, Ясин согласовал свою позицию с мнением англичан. В частности в Басре иракский премьер имел «долгий разговор» по вопросу о ситуации на Шатт-эль-Арабе с директором администрации порта британским полковником Д. Уордом **.

---

* В течение всей поездки Ясина аль-Хашими сопровождал генеральный директор иракского МИД Нусрат аль-Фаризи.

** Как раз в это время английская дипломатия вновь выдвинула предложение о создании тройственного англо-ирано-иракского управления по навигации и контролю над Шатт-эль-Арабом. Однако Иран в ходе переговоров отверг это предложение [См.: 4. Р. 267].

Вслед за началом ирано-иракских переговоров о границе в Багдаде появились сообщения о том, что «давно поставленный на обсуждение вопрос о заключении договора о дружбе и взаимной помощи между двумя арабскими государствами, Ираком и Саудовской Аравией, стал близок, наконец, к тому, чтобы принести плоды». Было объявлено, что министр иностранных дел Ирака Нури Саид планирует в ближайшие два-три месяца нанести визит в Саудовскую Аравию «с целью заключения договора», который «сделает еще прочнее взаимные связи, существующие между этими двумя арабскими странами» [3. № 1287. Р. 74]. Сообщая об этом, в Багдаде, несомненно, рассчитывали оказать соответствующее воздействие на позицию иранской делегации в связи с началом переговоров по вопросу о Шатт-эль-Арабе. Кроме того, подобные сообщения являлись косвенным подтверждением уже известных в дипломатических кругах намерений правительства Ирака привлечь Саудовскую Аравию к участию в Ближневосточном пакте.

Таким образом, в начале 1936 г. Багдад стал местом повышенной дипломатической активности. При этом следует иметь в виду, что в то время «решающее слово во всех внешнеполитических акциях иракских правительств принадлежало английскому послу в Багдаде» [5. С. 69]. Вместе с тем представители Англии, работавшие в различных странах Ближнего и Среднего Востока в рассматриваемый период, неоднократно отмечали происходивший тогда «рост политического и социального влияния турецкого руководства, который стал проявляться в этих странах» [3. № 1291. Р. 203; № 1306. Р. 710]. Новым подтверждением этому стал официальный визит в Турцию министра иностранных дел Афганистана в январе 1936 г.

Именно в Анкаре, на банкете, устроенном в честь прибывшего Файз Мухаммед-хана, министр иностранных дел Турции Рюштю Арас сделал первое публичное заявление о Ближневосточном пакте [3. № 1289. Р. 140], вопрос о котором был одной из тем состоявшихся афгано-турецких переговоров. Касаясь их содержания в беседе с английским послом в Турции П. Лорейном 11 января, Файз Мухаммед-хан сказал, что обе стороны подтвердили свою готовность подписать Ближневосточный пакт, как только его другие участники, Иран и Ирак, урегулируют свои пограничные разногласия [6. Р. 108]. Не случайно, что именно после афгано-турецких переговоров в Анкаре Иран и Ирак, по настоянию Турции и Афганистана, обратились в январе 1936 г. в Совет Лиги Наций с просьбой снять с повестки дня вопрос об их пограничном споре и взяли назад свои жалобы из Международного суда, куда они были переданы Советом Лиги [7. Р. 800—802].

По окончании визита афганского министра иностранных дел в Турцию влиятельная британская газета «Таймс» поместила под заголовком «Новый пакт четырех» сообщение своего соб-

ственного корреспондента в Анкаре от 12 января. В нем говорилось, что «в ближайшем будущем» между Турцией, Ираном, Афганистаном и Ираком должен быть подписан пакт о ненападении, «в чем-то подобный Балканскому пакту». В корреспонденции отмечалось, что проект Ближневосточного пакта уже парафирован и теперь министры иностранных дел четырех стран должны встретиться для его окончательного подписания. В качестве наиболее вероятного места подписания пакта назывался Багдад. В сообщении указывалось, что «данный пакт является результатом многолетней, настойчивой и систематической деятельности турецкой дипломатии», которая предпринимала постоянные усилия по урегулированию пограничных споров и разрешению других вопросов, возникающих между этими четырьмя странами. Подготавливаемый пакт, говорилось в заключение, «по-видимому, приведет к общей политике четырех стран в международных делах и сделает более тесными экономические отношения между ними» [8. Яп. 13].

Через несколько дней аналогичную информацию о «Ближневосточном блоке» четырех стран поместил на своих страницах журнал «Великобритания и Восток». Если соглашение о ненападении между Турцией, Ираном, Афганистаном и Ираком будет достигнуто, говорилось в одной из его статей, то «главная честь в этом деле будет, бесспорно, принадлежать Турции... которая непрерывно работала в направлении к достижению этой цели» [3. № 1287. Р. 66].

Высокие оценки, которые стала в это время давать английская пресса внешней политике Турции, ее внутреннему развитию, ее важной роли во всех ближневосточных делах, являлись результатом начавшегося после заключения в декабре 1935 г. англо-турецкого «джентльменского соглашения», процесса сближения двух стран, вовлекавшего Турцию в сферу британской внешней политики. В свою очередь турецкая пресса поместила в начале 1936 г. несколько статей, «подчеркивающих тот факт, что все разногласия, существовавшие между Великобританией и Турцией, в настоящее время урегулированы удовлетворяющим обе стороны образом» [3. № 1291. Р. 203].

15 января 1936 г. в Форин Оффис поступило сообщение английского посла в Иране Х. Нэтчбулл-Хьюджессена, отправленное из Тегерана 27 декабря. Ссылаясь на предыдущую дипломатическую переписку по вопросу о возможности предлагавшегося Ираком присоединения Саудовской Аравии к Ближневосточному пакту, британский дипломат писал, что, согласно имеющейся у него информации, король Ибн Сауд «в конечном счете решил подождать» с принятием окончательного решения [6. Р. 111].

В то же время между Ираком и Саудовской Аравией была достигнута договоренность о начале непосредственных переговоров с целью заключения «договора о союзе». Для этого в

Багдад в конце января прибыла делегация во главе с политическим секретарем Ибн Сауда шейхом Юсуфом аль-Ясином, занимавшимся ведением вопросов внешней политики Саудовской Аравии. Прибытие саудовской делегации в Багдад было охарактеризовано местной прессой как «новое доказательство арабской солидарности», а багдадский корреспондент английского еженедельника «Великобритания и Восток» писал, что «существует настоятельная необходимость заключения предполагаемого соглашения, предназначенного сделать более тесными нынешние связи между двумя арабскими государствами». В своем сообщении от 30 января он отметил «благоприятное развитие» начавшихся ирако-саудовских переговоров [3. № 1291. Р. 202—203].

В том же сообщении из Багдада говорилось, что продолжающиеся переговоры с делегацией Ирана протекают «в дружественной атмосфере» и существуют «хорошие надежды» на то, что будет достигнуто «удовлетворительное решение всех спорных вопросов» [3. № 1291. Р. 203]. Однако в действительности ирано-иракские переговоры были еще весьма далеки от успешного завершения. Как отметил в своей служебной записке от 29 января сотрудник Форин Оффиса А. Ламберт, переговоры о Ближневосточном пакте «все еще приостановлены из-за того, что не удастся достичь соглашения по вопросу об ирано-иракской границе» [6. Р. 111].

Анализу этого сложного вопроса еженедельник «Великобритания и Восток» посвятил большую редакционную статью, опубликованную в номере от 20 февраля 1936 г. В ней говорилось, что в вопросе об ирано-иракском пограничном споре Англия «заинтересована только в том, чтобы было достигнуто дружественное и ясное решение». В отношении же самого решения журнал писал: «Не будет ошибкой уже сейчас сделать вывод о том, что, если и когда ирано-иракские переговоры закончатся, линия прохождения границы не будет сильно отличаться от той, которая была признана Лигой Наций во время приема Ирака в состав ее членов в 1932 г.» [3. № 1292. Р. 227].

Повышенное внимание британской дипломатии и английской буржуазной прессы к развитию международных отношений на Ближнем Востоке в этот период объяснялось тем, что в результате агрессии фашистской Италии против Эфиопии усилилась опасность расширения итальянской экспансии в Восточном Средиземноморье, возникла угроза для имперских коммуникаций Великобритании и ее позиций в этом регионе, обострились англо-итальянские противоречия. Еженедельник «Великобритания и Восток» писал в январе 1936 г., что итальянская пропаганда прилагает большие усилия к тому, чтобы «представить Италию в качестве единственного верного защитника исламских интересов на Ближнем и Среднем Востоке» [3. № 1285. Р. 2]. Кроме того, начало 1936 г. ознаменовалось

новыми признаками постепенного сближения Италии с гитлеровской Германией. «Несомненно,— писал полпред СССР в Италии Б. Е. Штейн,— что в нынешней обстановке нарастает тенденция к итало-германскому соглашению» [2. Т. 19. С. 21—22]. В НКВД СССР поступили сведения, что Муссолини даже предлагал Гитлеру «итало-германское соглашение, допускающее возможность аншлюса и разграничения германской и итальянской зон влияния (Балканы, Ближний Восток и Средиземное море за Италией, остальное за Германией)... Германия реализовала бы свои планы на Востоке, а Италия — в Малой Азии» [2. Т. 19. С. 71—72]. В выступлениях руководящих деятелей гитлеровской Германии в это время параллельно с выпячиванием тезиса о «дружбе с Италией» выдвигались германские колониальные притязания [2. Т. 19. С. 48].

В первой половине 1936 г. некоторые военные и политические деятели Англии в беседах с иностранными дипломатами неоднократно высказывали мнение, что наиболее вероятным направлением германской агрессии будет Австрия, Чехословакия и Балканы, результатом чего явится создание так называемой «Серединной Европы» [2. Т. 19. С. 64, 86, 266, 339, 341]. Распространение германской экспансии на Балканы создало бы реальную угрозу выхода гитлеровцев к важнейшим экономическим и военно-стратегическим позициям Великобритании на Ближнем Востоке. В беседе с министром торговли Англии Ренсименом относительно перспектив создания «Серединной Европы» полпред СССР в Лондоне И. М. Майский сказал: «Таким образом, Германия выйдет на Средиземное море, и вам придется иметь дело там не только с итальянцами, но и с немцами» [2. Т. 19. С. 209—210]. Однако английские империалисты надеялись не допустить такого развития событий и рассчитывали, что вместо распространения германской агрессии через Босфор и Дарданеллы на Ближний Восток им удастся направить ее на восток, против СССР [2. Т. 19. С. 75].

Наиболее дальновидные представители английских правящих кругов понимали всю опасность подобного курса для самой Великобритании. Член английского парламента У. Черчилль в беседе с И. М. Майским заявил: «Кто готов ограничиться концепцией «западной безопасности», тот развязывает Германии руки не против большевизма (ибо СССР сейчас достаточно силен для того, чтобы отстоять себя от атаки со стороны Германии), а для создания «Серединной Европы» от Северного и Балтийского морей до Средиземного. «Серединная Европа» означала бы смерть для Британской империи» [2. Т. 19. С. 213].

Рост угрозы интересам и позициям Англии на Ближнем Востоке со стороны фашистских держав заставлял английское правительство активизировать усилия по созданию и расширению системы блоков и союзов стран данного региона с целью укреп-

ления в них британского влияния. С начала 1936 г. в английской прессе стали появляться сообщения о возможности заключения «всеохватывающего военного союза» между Англией и Египтом [3. № 1287. Р. 66; № 1291. Р. 193; № 1292. Р. 226; № 1294. Р. 296—297]. 2 марта 1936 г. в Каире начались официальные англо-египетские переговоры с целью подготовки договора о союзе [3. № 1294. Р. 290; № 1296. Р. 365—366; 9. Р. 4, 63]. «Только британский флот и британские гарнизоны могут гарантировать сегодня независимость Египта»,— писал по этому поводу журнал «Великобритания и Восток», подчеркивая, что война в Эфиопии, увеличение итальянских войск в Ливии до 70 тыс. человек, наличие итальянских военно-воздушных баз на островах Додеканес поставили Египет перед «реальной угрозой вторжения» [3. № 1294. Р. 294]. «Нет ничего невозможного в том, чтобы одновременно обеспечить защиту основных британских интересов в Египте и удовлетворить стремления египтян»,— писала английская буржуазная пресса [3. № 1312. Р. 38].

Важное место в своей ближневосточной политике британские правящие круги отводили Ираку, связанному с Англией договором о союзе 1930 г. 5 марта 1936 г. еженедельник «Великобритания и Восток» поместил сообщение своего багдадского корреспондента от 27 февраля, в котором говорилось, что «переговоры между делегациями Ирака и Саудовской Аравии о заключении союзного договора проходят успешно». В корреспонденции даже излагались основные пункты будущего договора [3. № 1294. Р. 299]. После того как проект ирако-саудовского договора был в основном подготовлен, верный слуга англичан и их ставленник в Ираке Нури Саид совершил свой очередной «хадж» в Лондон с целью непосредственного ознакомления английского правительства с результатами переговоров и получения его окончательного одобрения и согласия на подписание этого договора [3. № 1298. Р. 434; № 1300. Р. 495]. Подобные «паломничества» Нури Саида в Англию стали в то время уже традиционной практикой в ирако-английских отношениях, особенно накануне принятия Ираком каких-либо новых международных обязательств.

7 марта 1936 г. немецкие войска в нарушение соответствующих статей Версальского договора и Локарнских соглашений оккупировали Рейнскую демилитаризованную зону. Западные державы, прежде всего Англия, вновь отказались решительно выступить против очередного акта фашистской агрессии. Только Советское правительство, осуждая позицию западных держав, заявило о своей готовности «поддержать любые действия», коллективно принятые Советом Лиги Наций против Германии [2. Т. 19. С. 130; 10. 20 марта].

Одной из важных задач миролюбивой политики Советского Союза на международной арене в рассматриваемый период

являлось сохранение и укрепление добрососедских отношений со своими южными соседями — Турцией, Ираном, Афганистаном. В частности, в состоявшейся 14 января 1936 г. беседе между полпредом СССР в Иране А. С. Черных и председателем совета министров Ирана Джамом стороны отметили «весьма благоприятное развитие ирано-советских взаимоотношений», а советский дипломат, кроме того, обратил внимание главы иранского правительства на «доказанную Советским правительством готовность идти навстречу Ирану в делах, имеющих первостепенное значение» для последнего [2. Т. 19. С. 28—29]. В свою очередь министр иностранных дел Афганистана Файз Мухаммед-хан при встрече с наркомом иностранных дел СССР М. М. Литвиновым в Женеве 24 января выразил пожелание провести в ходе своего предстоящего визита в Москву переговоры об установлении с СССР «таких же отношений, какие имеет Турция» [2. Т. 19. С. 733]. Идея проведения переговоров встретила поддержку советской стороны, предложившей «ознаменовать приезд в СССР Файза Мухаммед-хана подписанием протокола о продлении на десять лет советско-афганского пакта о нейтралитете и ненападении». Правительство Афганистана с одобрением встретило советскую инициативу, Файзу Мухаммед-хану были направлены соответствующие полномочия [2. Т. 19. С. 131, 732].

14 марта 1936 г. афганский министр иностранных дел прибыл в Москву. Приветствуя его визит в СССР, «Известия» писали: «В области международных отношений Афганистан не раз давал доказательства своей приверженности делу мира и неизменно откликался на советские предложения, направляемые к его упрочению» [10. 14 марта]. Итогом состоявшихся советско-афганских переговоров [См.: 2. Т. 19. С. 143—145, 733, 760; 11. С. 92—94] явилось подписание 29 марта 1936 г. Протокола о продлении на десять лет Договора о нейтралитете и взаимном ненападении между СССР и Афганистаном от 24 июня 1931 г.* [2. Т. 19. С. 198—199]. Как показали дальнейшие события, подписание протокола оказалось мудрым и весьма своевременным шагом. В ходе переговоров в Москве министр иностранных дел Афганистана коснулся также некоторых международных вопросов и афганской внешней политики. Он заявил, что «для внешней восточной политики СССР выгодно существование независимого и сильного Афганистана, имеющего тесные дружественные связи с Турцией и Ираном» [2. Т. 19. С. 143].

Составной частью политики английского империализма в отношении стран Ближнего Востока в рассматриваемый период

---

* Протокол ратифицирован: ЦИК СССР — 8 августа 1936 г., королем Афганистана — 29 июля 1936 г. Обмен ратификационными грамотами произведен в Кабуле 3 сентября 1936 г.

являлось стремление ослабить их связи с Советским Союзом, посеять недоверие к его внешней политике. Принимая турецкое предложение о пересмотре Лозаннской конвенции о проливах, английское правительство, по словам британского историка А. Тойнби, рассчитывало укрепить свои позиции в Турции, уменьшить «доминирующее влияние» Советского Союза и отдалить Турцию от СССР [7. Р. 607—608]. Болгарский исследователь Л. Живкова также отмечала, что «английское правительство вознамеревалось использовать вопрос о режиме проливов для того, чтобы попытаться вбить клин между СССР и Турцией» [12. С. 56]. Поэтому не случайно английская пресса весной 1936 г. писала, что «Турция является определенным фактором в сохранении мира», что «турецкая дипломатия вызывает восхищение» и т. п. [3. № 1300. Р. 493—494].

Наряду с расчетами на усиление британского влияния в Турции английская дипломатия продолжала вести работу по укреплению позиций Англии в арабских странах и упрочению их связей между собой. Встретив серьезное сопротивление египетской делегации на переговорах в Каире о союзном договоре, при обсуждении вопроса о предполагаемых местах размещения британских войск на территории Египта, англичане пригласили всех членов египетского правительства и обе делегации в Александрию для наблюдения за специально организованными маневрами британского флота. Как сообщил 20 марта 1936 г. каирский корреспондент еженедельника «Великобритания и Восток», египетская сторона возвратилась с этих маневров в столицу для продолжения переговоров, находясь «под должным впечатлением» от возможностей британских ВМС [3. № 1298. Р. 429]. Важным событием, призванным свидетельствовать о консолидации сил наиболее близких союзников Англии на Арабском Востоке, явилось заключение 27 марта 1936 г. договора о дружбе между Ираком и Трансиорданией, в то время находившейся под безраздельным господством британского империализма [5. С. 69; 13. С. 118].

2 апреля 1936 г. Нури Саид и Юсуф аль-Ясин подписали в Багдаде «Договор об арабском братстве и союзе» между Ираком и Саудовской Аравией*. Согласно договору, каждая из сторон обязалась не вступать ни в какие соглашения с третьим государством, которые могли бы нанести ущерб интересам другой стороны. Участники договора обязались разрешать любые споры, могущие возникнуть между ними, путем переговоров, консультироваться по интересующим обе стороны вопросам. Договор предусматривал, что в случае, если какой-нибудь спор между одной из сторон и третьим государством создаст ситуацию, ведущую «к угрозе войны», то обе договаривающиеся стороны должны совместно предпринять усилия с целью его раз-

---

* Текст договора см.: [3. № 1301. Р. 540—541].

решения «мирными средствами». В случае, если бы против любой из сторон была совершена агрессия третьим государством, участники договора обязались приступить к совместным консультациям относительно мер, которые следовало предпринять с целью отражения агрессии*.

В договоре содержалось определение случаев, которые должны были считаться актами агрессии, а также тех, которые не следовало квалифицировать в качестве таковых. Ирак и Саудовская Аравия обязались оказывать друг другу помощь в ликвидации внутренних «беспорядков», т. е. в борьбе с выступлениями народных масс на своих территориях. Особая статья договора предусматривала право присоединения к нему «любого другого независимого арабского государства». В ней прямо говорилось, что его участники будут «стремиться обеспечить присоединение правительства Йемена к этому договору». Ряд статей договора предусматривал расширение ирако-саудовского сотрудничества в дипломатической, военной, культурной, религиозной и других областях.

Ирако-саудовский договор 1936 г. сохранял в силе все ранее заключенные договоры и соглашения между этими странами, подтверждал верность сторон Уставу Лиги Наций и пакту Бриана — Келлога, сохранял приоритет обязательств Ирака по договору о союзе с Великобританией от 30 июня 1930 г. Договор был заключен сроком на десять лет, вступал в силу с даты обмена ратификационными грамотами и мог быть продлен на следующий десятилетний период, если ни одна из сторон не заявит о желании денонсировать договор за год до истечения первоначального срока его действия. Специальная статья предусматривала право каждой из сторон расторгнуть договор без предварительного предупреждения, если другая сторона совершит акт агрессии против какого-либо третьего государства.

Заключение ирако-саудовского договора вызвало хвалебные комментарии английской прессы. 16 апреля 1936 г. еженедельник «Великобритания и Восток» поместил посвященную договору большую редакционную статью «Арабы в дружбе» [3. № 1300. Р. 495]. В ней говорилось, что подписанный между Ираком и Саудовской Аравией договор «является образцом для всех ближневосточных государств», а «тот факт, что к этому соглашению должен присоединиться Йемен, придает ему дополнительное значение». В статье было особо подчеркнуто, что немаловажную роль в достижении успеха на ирако-саудовских переговорах сыграли усилия британской дипломатии. «Не следует думать,— говорилось в статье далее,— что этот договор является просто сентиментальным альянсом. Его заклю-

---

* В условиях нерешенности ирано-иракского пограничного спора, могущего привести «к угрозе войны», эти положения ирако-саудовского договора приобретали антииранскую направленность.

чению предшествовали серьезные размышления... Саудовская Аравия очень хорошо сознает, что однажды... те, кто сейчас захватывает Эфиопию, могут обратить свои взоры через Красное море на Йемен и на Асир (прибрежный район на юго-западе Саудовской Аравии.— В. К.). Ни Саудовская Аравия, ни Ирак не хотят появления Италии на Аравийском полуострове». Подчеркивая антиитальянскую направленность ирако-саудовского договора, авторы статьи ставили вопрос: если Италия все-таки предпримет попытку проникновения на Аравийский полуостров, то «кто сможет остановить ее?» И сами давали ответ: «Только решительное британское сопротивление сможет воспрепятствовать проникновению итальянцев в «Agabia Felix».

Одной из важных идей, выраженных в цитируемой статье, являлась мысль о необходимости укрепления «арабского единства», но под неперменным британским покровительством и контролем. В заключение статьи говорилось, что Великобритания будет также приветствовать достижение «определенного урегулирования» на основе «взаимопонимания» всех спорных вопросов в ирано-иракских и саудовско-египетских отношениях.

И действительно, сразу же после заключения ирако-саудовского договора английская пресса стала писать о необходимости нормализации отношений между Саудовской Аравией и Египтом. «С любой точки зрения желательно, чтобы Саудовская Аравия и Египет пришли к единству как можно скорее,— говорилось в журнале «Великобритания и Восток».— Одной из дополнительных причин в пользу такого решения является активность Италии в районе Красного моря». Журнал прямо писал, что английское правительство дает «свое откровенное благословение» на начало египетско-саудовских переговоров [3. № 1302. Р. 559].

Пожелания, выраженные в английской печати, вскоре нашли свое подтверждение на практике. В апреле 1936 г. в Каире начались переговоры премьер-министра Египта Али Махира с представителем правительства Саудовской Аравии шейхом Фуадом Хамзой. В результате переговоров было достигнуто соглашение об установлении дипломатических отношений между Египтом и Саудовской Аравией и 7 мая 1936 г. был подписан договор о дружбе [3. № 1304. Р. 622; 14. № 6. Р. 309—310; 15. С. 217]. Английская пресса назвала результаты египетско-саудовских переговоров «ободряющим признаком региональной безопасности на Ближнем Востоке, предшествующим еще большей солидарности в этом районе» [3. № 1304. Р. 622].

Следует отметить, что итальянская дипломатия со своей стороны предприняла весной 1936 г. попытку сорвать английские планы в отношении Египта. В частности, стремясь помешать успешному окончанию англо-египетских переговоров о союзе, официальные представители итальянского правительства выступили с «серией заявлений» о том, что «Италия никогда не

имела никаких агрессивных намерений в отношении территории Египта» [З. № 1300. Р. 503; № 1306. Р. 686]. Однако, несмотря на это, англо-египетские переговоры были продолжены. 17 апреля каирский корреспондент еженедельника «Великобритания и Восток» сообщил в Лондон, что в сравнении с начальной стадией переговоров «обе стороны, по мнению членов египетской делегации, стали заметно ближе друг к другу» [З. № 1301. Р. 533].

В «Дипломатическом словаре» указывается, что английская дипломатия рассматривала ирако-саудовский договор 1936 г. как дополнение к заключенному в следующем году Саадабадскому пакту [16. С. 410—411]. Этот вывод полностью подтверждают и материалы английской прессы. В частности, еженедельник «Великобритания и Восток» в апреле 1936 г. писал, что ирако-саудовский договор следует «рассматривать в связи с планируемым четырехсторонним пактом между Ираком, Турцией, Ираном и Афганистаном. Этот первоначальный успех,— говорилось далее,— дает весомую надежду на то, что Ирак (при поддержке Англии.— В. К.) сделает новые шаги по пути прогресса в сфере внешней политики» [З. № 1301. Р. 534]. Таким образом, становится ясно, что англичане рассчитывали и дальше использовать Ирак в качестве орудия и проводника своей политики, направленной на создание на Ближнем Востоке блока государств, тесно связанных между собой и поддерживающих Великобританию. Именно поэтому весной 1936 г. английская пресса много пишет о том, что Англия «не хочет ничего другого, кроме дружбы и консолидации на Ближнем и Среднем Востоке», что «многое в этом отношении уже сделано, но многое еще предстоит сделать» [З. № 1302. Р. 559].

Прежде всего продолжали оставаться неурегулированными спорные вопросы в ирако-иранских отношениях. «Невозможно не видеть контраста между легкостью и быстротой, с которыми Ирак пришел к соглашению с Саудовской Аравией, и упорством, характеризующим переговоры в Багдаде относительно решения по ирако-иранскому спору,— комментировала события английская печать.— Со всеми своими соседями, за исключением Ирана, Ирак сейчас находится в превосходных отношениях, но если он потерпит неудачу в деле восстановления дружественных отношений со своим восточным соседом, то давно вынашиваемый Ближневосточный блок не сможет стать реальностью» [З. № 1300. Р. 494].

Кроме того, в Лондоне стали известны некоторые факты, свидетельствовавшие о возможности развития переговоров по Ближневосточному пакту в неблагоприятном для английских интересов направлении. В частности, в служебной записке, составленной в конце апреля 1936 г. руководителем ближневосточного отдела Форин Оффиса Д. Ренделом со ссылкой на «информацию из секретного источника», указывалось, что Турция,

Иран и Афганистан, проявляющие «нетерпение» в деле подписания Ближневосточного пакта, считают, что «нежелание Ирака подписывать пакт» объясняется его стремлением урегулировать сначала свой пограничный спор с Ираном. Поэтому, указывал Рендел, возникла опасность, что будет подписан только трехсторонний пакт, без участия Ирака, или другие участники пакта сделают иракцам «предупреждение о том, что пакт будет подписан без них». Рендел полагал, что такое «предупреждение» может быть рассчитано прежде всего на «психологический эффект» с целью припугнуть иракское правительство возможностью остаться вне пакта и тем самым заставить его поторопиться с урегулированием разногласий с Ираном [6. Р. 124].

Во второй служебной записке, составленной на основе информации из того же «секретного источника», Рендел писал, что, «согласно турецкой точке зрения, главная ценность пакта состоит как раз в участии Ирака, поскольку в противном случае он только повторил бы обязательства, уже существующие между Турцией, Ираном и Афганистаном». Поэтому, говорилось в записке, «турки оказывают давление на иракцев с целью достижения решения пограничного спора» [6. Р. 126].

5 мая 1936 г. итальянские войска овладели столицей Эфиопии Аддис-Абебой, а 9 мая, когда итальянцы захватили не более трети всей территории Эфиопии, Муссолини объявил об ее «окончательном» завоевании. Декретом фашистского правительства Эфиопия объединялась с Эритреей и Итальянским Сомали в единую колонию — Итальянскую Восточную Африку [10. 11 мая]. Оценивая эти действия итальянского правительства, постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании Р. Ванситтарт в беседе с И. М. Майским 13 мая 1936 г. заявил, что он «надеялся, что Муссолини согласится облечь завершение абиссинской кампании в такую форму, чтобы оно было хотя бы в какой-то мере приемлемо для Лиги Наций и для общественного мнения Великобритании. К сожалению, Муссолини закусил удила, объявил аннексию Абиссинии (Эфиопии.— В. К.) и провозгласил короля итальянского императором вновь созданной африканской империи. Это делает совершенно невозможным какой-либо сговор с ним, по крайней мере в ближайшее время... О каком-либо примирении между Великобританией и Италией в недалеком будущем говорить не приходится» [2. Т. 19. С. 265]. Отражая подобные настроения в Форин Оффисе, английская газета «Санди Таймс» оценивала провозглашение итальянской империи в Африке следующим образом: «Отныне угроза миру переместилась из северо-западной Европы на юго-восток, с Рейна на Средиземное море» [17. Мау 17].

Прямым следствием итальянской политики в Эфиопии явилось подписание Ираком 11 мая 1936 г. нового договора о

дружбе с Йеменом [5. С. 69; 13. С. 118]. В июне 1936 г. по приглашению иракского правительства в Багдад прибыл министр двора имама Йемена сейид Мухаммед аз-Зубейри. Багдадский корреспондент еженедельника «Великобритания и Восток» писал 18 июня, что «главной темой» йеменско-иракских переговоров должен был стать вопрос о присоединении Йемена к недавно заключенному ирако-саудовскому «договору о союзе». «До сих пор,— указывалось в корреспонденции,— Йемен не дал никакого определенного свидетельства своего желания или нежелания присоединиться к условиям этого договора. Хотя Йемен считается расположенным в пользу присоединения к Ираку и Саудовской Аравии, он, по-видимому, не решается сделать это, чтобы не навлечь на себя недовольство Италии, с которой он заключил договор о дружбе десять лет назад. Этот договор все еще находится в силе, но срок его действия истекает через несколько месяцев. Его (Йемена.— В. К.) положение является поэтому несколько деликатным, и в таких условиях сомнительно, что он объявит о своем намерении присоединиться к этому альянсу, хотя он будет, конечно, искренне сотрудничать с Ираком и Саудовской Аравией в тех случаях, когда будут затрагиваться их общие интересы» [3. № 1311. Р. 19].

Одновременно в Багдаде стали распространяться «сильные слухи» о том, что король Саудовской Аравии Ибн Сауд «намеревается нанести официальный визит в Ирак в течение предстоящих нескольких месяцев». Английская пресса писала, что этот визит следует рассматривать как «прямой результат» недавно заключенного ирако-саудовского договора и что он «сцементирует еще более крепко» и без того уже прочные отношения между Ираком и Саудовской Аравией [3. № 1307. Р. 743]. В это же время в английской печати появились сообщения о том, что «в предстоящие несколько месяцев» следует ожидать ответного визита президента Турции К. Ататюрка в Иран [3. № 1306. Р. 710].

Аннексионистские действия итальянского фашизма в Африке повлияли и на ход переговоров о Ближневосточном пакте. 16 мая 1936 г. сотрудник английского посольства в Иране Н. Батлер в письме на имя Рендела сообщил, что в беседе с посланником Ирака в Тегеране Халедом Сулейманом турецкий посол Энис-бей, недавно вернувшийся из Анкары, заявил, что Турция и Англия «сильно желают» заключения Ближневосточного пакта [6. Р. 130]. Однако британская дипломатия, в отличие от английской прессы, по-прежнему предпочитала занимать в этом вопросе осторожную и внешне уклончивую позицию. Сотрудник ближневосточного отдела Форин Оффиса Ламберт, работавший с сообщением Батлера, оставил на нем следующую запись: «До сих пор мы сохраняли хорошо продуманную позицию равнодушия в отношении этого пакта, которому турки, кажется, по-прежнему придают определенное значение» [6.

Р. 130]. Тем не менее весьма показательным для характеристики изменившейся позиции английского правительства в вопросе о Ближневосточном пакте является следующий факт. В проекте ответного письма Батлеру, подготовленном сотрудниками Форин Оффиса, упоминание о «Ближневосточном четырехстороннем пакте о ненападении» первоначально сопровождалось таким пояснением: «к которому правительство его величества относится совершенно равнодушно». Однако затем эта формулировка была зачеркнута и заменена другой, более точно отражавшей английскую позицию на данном этапе: «с которым правительство его величества не связано непосредственно» [6. Р. 132].

Советская дипломатия, неизменно проводившая курс на поддержание добрососедских отношений СССР с его южными соседями, внимательно следила за развитием обстановки на Ближнем Востоке и прилегающих к нему районах. 24 мая 1936 г. в беседе с вновь назначенным министром иностранных дел Ирана Самии полпред СССР в Тегеране А. С. Черных, говоря о последствиях итальянской агрессии в Африке, подчеркнул, что окончание итало-эфиопской войны «отнюдь не означает ликвидации конфликта вообще. Конфликт входит в новую свою стадию, может быть, даже более опасную, чем раньше, поскольку изменившееся соотношение сил в этой части света задевает в настоящее время интересы значительно более крупных государств и переносит очаг возможного возникновения международной войны на мировой путь». Он сказал, что «в этих условиях все государства, заинтересованные в сохранении мира, должны стремиться поддерживать друг друга и этим способствовать созданию более устойчивого положения на международной арене». Самии «с этим целиком согласился и сказал, что Иран со своей стороны прилагает много усилий к стабилизации положения в странах Среднего Востока» [2. Т. 19. С. 747].

Свидетельством авторитета миролюбивой политики Советского Союза в странах Ближнего и Среднего Востока явилась состоявшаяся 11 июня беседа А. С. Черных с заместителем министра иностранных дел Ирана Сохейли. Последний специально пригласил представителя СССР, чтобы «передать в Москву просьбу иранского правительства помочь ему в определении позиции иранской делегации на предстоящей сессии Лиги Наций». Сохейли заметил при этом, что данный разговор с А. С. Черных является продолжением беседы с ним Самии, состоявшейся 24 мая. Он сказал, что с подобной просьбой «иранское правительство обращается только к СССР и Турции», что оно обращается к Советскому правительству «ввиду проводимой СССР политики мира и защиты малых народов и учитывая большой удельный вес СССР в международных отношениях», что оно просит сообщить, какую позицию займет прави-

тельство СССР по вопросу о санкциях, об Абиссинии и т. д., для того, чтобы лучше ориентироваться в «чрезвычайно сложной и опасной» международной обстановке [2. Т. 19. С. 302]. Советская сторона согласилась удовлетворить эту просьбу иранского правительства, которое дало затем указание своему представителю на сессии Лиги Наций «вступить в контакт» с наркомом иностранных дел СССР М. М. Литвиновым [2. Т. 19. С. 302—303, 314].

В свою очередь, британское правительство стремилось изменить не только внешнеполитический курс Турции с целью ослабления ее связей с Советским Союзом и укрепления англо-турецких отношений, но и рассчитывало ослабить влияние и авторитет СССР в других странах Ближнего и Среднего Востока, прежде всего в Иране и Афганистане. Не случайно поэтому английская пресса в мае — июне 1936 г. стала часто писать об этих странах, характеризуя их внешнюю политику с точки зрения интересов британского империализма. Так, например, еженедельник «Великобритания и Восток» писал об Афганистане как о «защитном вале Индии» против «советских доктрин» [3. № 1306. Р. 704] 14 июня 1936 г. по пути из Германии в Лондон прибыл с визитом военный министр Афганистана Шах Махмуд-хан, который провел переговоры с представителями английского правительства, был принят королем Эдуардом VIII [3. № 1309. Р. 810; № 1311. Р. 11, 25].

16 июня в Форин Оффис поступило адресованное Ренделу письмо английского посла в Багдаде А. Кларк Керра, сообщившего о состоявшейся у него беседе с премьер-министром Ирака Ясином аль-Хашими о Ближневосточном пакте. По словам Ясина, Турция стала «торопить» других участников переговоров о пакте с его подписанием. В частности, турецкий посол в Иране Энис-бей в беседе с посланником Ирака в Тегеране Халедом Сулейманом стремился убедить последнего в том, что «для Ирака нет реальной необходимости откладывать подписание пакта до тех пор, пока не будет урегулирован пограничный спор с Ираном». Энис-бей сказал, что правительства Турции, Ирана и Афганистана «готовы подписать пакт уже сейчас» [6. Р. 135]. Было очевидно, что накануне открытия конференции о пересмотре режима проливов Турция стремилась достичь определенного внешнеполитического успеха на Ближнем Востоке и тем самым повысить свой международный авторитет.

Информировав английского посла о заявлениях Энис-бея, Ясин спросил у него совета, как поступить. Керр ответил, что «для правительства Ирака было бы лучше не подписывать пакт до тех пор, пока пограничный вопрос не будет урегулирован». Он пояснил, что «турки, которые хотят, чтобы пакт был подписан как можно скорее, могли бы в таком случае оказать давление на персов, чтобы они заняли более примирительную позицию в своих переговорах с Ираком». Сообщая об этом в

Лондон, Керр писал о создавшемся у него впечатлении, что Ясин занял в вопросе о Ближневосточном пакте несколько неустойчивую позицию, и если переговоры об ирано-иракской границе затянутся, то «он может уступить турецкому давлению и подписать пакт о ненападении» [6. Р. 135].

Предположения английского посла подтвердились на другой же день. 17 июня он телеграфировал в Форин Оффис, что «турки продолжают оказывать давление на иракское правительство», стремясь ускорить подписание Ближневосточного пакта. Хотя Ясин и считает нелогичным подписывать пакт до урегулирования пограничного спора с Ираном, писал Керр, но, поскольку ирано-иракские переговоры, «вероятно, затянутся», премьер-министр думает, что аргументы против подписания пакта перевешиваются преимуществами, которые в случае подписания может получить Ирак от того, что по отношению к нему «возрастет расположение турецкого правительства». Ясин также заявил, что по вопросу о Ближневосточном пакте «турецкое правительство консультировалось с Москвой» и по этой причине он хотел бы снова проконсультироваться с правительством Великобритании. Керр ответил, что его правительство «не имеет желания» отговаривать Ирак от подписания этого пакта. В своей телеграмме в Лондон он предложил официально заявить Ясину аль-Хашими от лица английского правительства, что у Великобритании «нет возражений» против подписания Ираком Ближневосточного пакта [6. Р. 139].

Сообщение Керра было тщательно проанализировано в ближневосточном отделе Форин Оффиса. Результаты проведенного анализа были суммированы следующим образом: «До сих пор мы (британское правительство.— В. К.) соглашались с точкой зрения иракцев, что для них было бы лучше не подписывать пакт до тех пор, пока не будет решен вопрос о границе. Таково все еще наше мнение, но, поскольку иракцы изменили свое мнение, не нам говорить «нет»... Во всяком случае нам не следует возражать против подписания пакта или блокировать его каким-либо образом, особенно в условиях, когда державой, оказывающей давление в пользу его подписания, является Турция, с которой мы стремимся добиться укрепления дружественных отношений» [6. Р. 136—137].

На основании сделанных выводов 22 июня Керру была отправлена телеграмма, в которой сообщалось о согласии английского правительства на то, чтобы Ирак подписал Ближневосточный пакт, не дожидаясь завершения переговоров с Ираном [6. Р. 140]. При этом в инструкциях, направленных британскому послу, было особо подчеркнуто, что ему следует повторить перед правительством Ирака следующее: «Желательно, чтобы у других договаривающихся сторон не осталось никакого предложения для того, чтобы когда-нибудь в будущем заявить, что планируемый договор имеет приоритет над англо-иракским со-

юзом... любую опасность такого рода можно избежать, если правительство Ирака во время подписания договора сделает другим участникам какое-нибудь одностороннее заявление в том смысле, что англо-иракский союз является одним из соглашений, упомянутых в третьем параграфе преамбулы *» [6. Р. 138, 140].

22 июня 1936 г. в Монтре открылась международная конференция по вопросу о пересмотре режима проливов, имевшая важные последствия не только для ее участников, но и для международных отношений на Ближнем Востоке, в развитии которых начался новый этап.

Итак, анализ источников и литературы позволяет сделать следующие выводы. После присоединения Афганистана к парафированному тексту Ближневосточного пакта между его предполагаемыми участниками были продолжены переговоры относительно сроков и места его окончательного подписания. При этом наиболее активную роль в процессе подготовки Ближневосточного пакта в первой половине 1936 г. играли Турция и Ирак. Кроме того, Ирак, связанный с Англией договором о союзе, согласуя свои действия с британским правительством, предпринял в рассматриваемый период активные дипломатические усилия по расширению договорных отношений со своими арабскими соседями, прежде всего с Саудовской Аравией. Заключенный 2 апреля 1936 г. ирако-саудовский договор в Лондоне рассматривали как своеобразное дополнение к подготавливаемому Ближневосточному пакту. В свою очередь английское правительство, обеспокоенное ростом угрозы интересам и позициям британского империализма на Ближнем Востоке со стороны фашистских держав, активизировало усилия по созданию и расширению системы блоков и союзов стран данного региона, начав, в частности, переговоры о заключении союзного договора с Египтом.

Подписать четырехсторонний Ближневосточный пакт в первой половине 1936 г. не удалось главным образом из-за оставшегося неурегулированным пограничного спора между Ираном и Ираком, хотя переговоры между ними по этому вопросу не прекращались, а два других участника Ближневосточного пакта — Афганистан и особенно Турция — предпринимали некоторые усилия с целью содействия скорейшему разрешению этого спора. Что касается позиции английской дипломатии, то к моменту открытия международной конференции в Монтре о пересмотре режима проливов в Форин Оффисе пришли к заключению, что британскому правительству, исходя из стремления

---

* Третий параграф преамбулы парафированного текста Ближневосточного пакта подтверждал верность его участников Уставу Лиги Наций, пакту Бриана-Келлога и «другим договорам, в которых они являются участвующими сторонами».

расширить и закрепить английское влияние на внешнюю политику Турции, «не следует возражать» против скорейшего подписания Ближневосточного пакта, даже если предварительно не будет урегулирован вопрос об ирано-иракской границе. При этом действия английской дипломатии были постоянно направлены на то, чтобы ослабить связи стран Ближнего и Среднего Востока с Советским Союзом, посеять недоверие к его миролюбивой внешней политике.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Тарасов П. К. Саадабадский пакт//Международные отношения в новейшее время. Свердловск, 1968.
2. Документы внешней политики СССР. М., 1973, 1974. Т. 18—19.
3. Great Britain and the East. 1936.
4. Longrigg S. H. Iraq, 1900 to 1950. L., 1953.
5. Федченко А. Ф. Ирак в борьбе за независимость (1917—1969). М., 1970.
6. Public Record Office. London. Foreign Office Papers. 371/19980.
7. Survey of International Affairs. 1936. L., 1937.
8. The Times. 1936.
9. The Killearn Diaries, 1934—1946. L., 1972.
10. Известия. 1936.
11. Теплинский Л. Б. СССР и Афганистан, 1919—1981. М., 1982.
12. Живкова Л. Англо-турецкие отношения, 1933—1939 гг. М., 1975.
13. Мирский Г. И. Ирак в смутное время, 1930—1941. М., 1961.
14. Oriente Moderno. 1936.
15. Новейшая история арабских стран (1917—1966). М., 1968.
16. Дипломатический словарь. М., 1984. Т. 1.
17. The Sunday Times. 1936.

В. Н. ЗЕМЦОВ

Свердловская высшая партийная школа

Английские гарантии Польше, Румынии и Греции (март—13 апреля 1939 г.)

Около 50 лет буржуазная и марксистская историография ведут борьбу по вопросу о причинах и сущности английских гарантий малым странам в 1939 г. Сразу после предоставления Великобританией гарантий Польше, Румынии и Греции английская буржуазная историография поспешила оценить их как «дипломатическую революцию» во внешней политике правительства Чемберлена, как отказ от курса на умиротворение фашистских агрессоров и возврат к политике коллективной безопасности [1]. Для работ историков этой «первой чемберленовской волны» характерна открытая идеализация действий бри-